

RU

Внутреннее варварство как фактор упадка цивилизации

Сулимов С. И.

Аннотация. Цель исследования - определение сущности внутреннего варварства и формулирование типологии его видов. Научная новизна исследования заключается в выявлении роли внутреннего варварства в кризисе цивилизованного общества и дальнейшей его гибели под воздействием варварства внешнего. Данный механизм действует по одним и тем же принципам в любую эпоху. В результате исследования были выявлены такие типы внутреннего варварства, как охваченная неумеренным стяжательством коррумпированная элита и обнищавшее простонародье, контркультурные течения и революционные фракции, непримиримые к наличному социально-политическому порядку.

EN

Internal Barbarism as Factor of Civilisation Decline

Sulimov S. I.

Abstract. The study aims to determine the essence of internal barbarism and formulate its typology. Novelty lies in identifying the role of internal barbarism in the crisis of the civilised society and its further destruction under the influence of external barbarism. This mechanism operates according to the same principles in any era. As a result of the study, such types of internal barbarism have been identified as the corrupt elite and the impoverished common people consumed with unrestrained acquisitiveness, countercultural movements and revolutionary factions that are unable to accept the existing socio-political order.

Введение

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что в глобальном мире ритм цивилизационного развития обретает всеобщий характер. В наши дни не существует ни одного общества, которое могло бы беспрепятственно развиваться собственным путём, не соприкасаясь с другими обществами и не испытывая на себе их влияния. Более того, глобальный мир условно разделён на «ядро», полупериферию и периферию, причём на роль носителя и распространителя мировой глобальной цивилизации претендуют страны «ядра» (США и ЕС). Поэтому понять ритм цивилизационного развития означает получить возможность верно оценить роль данных обществ в процессе глобализации и прогнозировать этот процесс в ближайшем будущем.

Процесс становления и развития цивилизованного общества изучен достаточно глубоко. На самый первый взгляд можно назвать ставшие классическими работы западных философов О. Шпенглера и А. Дж. Тойнби, а также сочинения отечественных авторов Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева и Л. Н. Гумилёва. Однако, на наш взгляд, недостаточно изучен момент данного ритма, касающийся взаимодействия цивилизованного общества с его варварским окружением, и, как следствие, плохо известны те причины, по которым варварам удаётся уничтожить цивилизованное общество. Абсурдно предполагать, что технически и социально неразвитое общество может одолеть более развитого соседа военным путём. Следовательно, причины, приводящие цивилизацию к краху, зарождаются в ней самой. То есть в однажды наступивший роковой момент внешним варварам оказывают помощь и содействие варвары внутренние. Но причины и сущность рассматриваемого явления в наши дни изучены мало, и в данной работе мы восполним этот пробел.

Указанная цель предполагает решение следующих задач:

- уточнить сущность понятий цивилизации и варварства;
- раскрыть механизм взаимодействия цивилизации с внешним по отношению к ней варварством;
- установить причины возникновения и виды внутреннего варварства.

Методами исследования послужили историко-философский и компаративистский анализы взаимодействия античной и китайской цивилизаций с их варварскими соседями, а также рассмотрения процессов варваризации современного европейского общества в сравнении с аналогичными процессами поздней античности.

Теоретической базой работы является концепция соотношения цивилизации с варварством в эпоху глобальных кризисов, сформулированная Н. В. Мотрошиловой. Данный автор подробно рассмотрела черты, присущие

цивилизированному обществу на всех этапах его истории, и именно ей удалось обнаружить феномен внутреннего варварства. К сожалению, Н. В. Мотрошилова сосредоточила своё внимание именно на цивилизации, не проявляя интереса к специфике варварских обществ и варваризации общества цивилизованного. Поэтому за историческим материалом мы обратились к таким исследователям-историкам, как С. Г. Кляшторный, М. С. Айюб, Л. Мюссе, А. М. Ременников, Г.-И. Диснер, и другим авторам, подробно изучавшим соседство античной и китайской цивилизаций с варварским миром. Процесс варваризации современного мира мы рассматриваем, опираясь на работы В. Р. Арсеньева, Н. А. Медушевского и А. Э. Яшлавского.

Практическая значимость исследования заключается в использовании данной работы при чтении таких гуманитарных курсов, как социальная философия, культурология и философия культуры. Также результаты исследования могут использоваться при формировании культурной политики государства.

Понятия цивилизации и варварства

Отечественный исследователь Н. В. Мотрошилова определяет цивилизацию как технически и духовно развитое общество, соответствующее ряду специфических критериев, самыми важными из которых мы считаем следующие.

Во-первых, для цивилизованного общества характерно стремление к материальному комфорту, которое становится мощным стимулом для развития фундаментального и прикладного знания, расцвета ремёсел и торговли, монументального строительства и т.д.

Во-вторых, из первого критерия следует разделение труда, присутствующее в той или иной мере у всех народов, но в цивилизованном обществе постоянно и неуклонно углубляющееся, что с необходимостью приводит к нарастанию социального неравенства.

В-третьих, цивилизованному обществу присуще развитое правосознание [9, с. 37]. Последняя особенность не означает, что в цивилизованном обществе поголовно все граждане неукоснительно соблюдают юридические законы. Однако все стороны и сферы жизни цивилизованного человека подвергаются правовой регламентации, с которой он может в одной ситуации мириться, а в другой – искать способы обойти или нарушить законы.

Можно сказать, что в цивилизованном обществе социальные факторы всегда доминируют над природными, и это касается как жизни индивида, так и взаимодействия общества с ландшафтом.

Варварство же можно определить как противоположное цивилизации социально-культурное состояние: в таком обществе природные факторы доминируют над социальными, хоть это и не означает полного отсутствия хотя бы одного из последних: «Варварство – как человеческая (всё же) история – уже подразумевает и определённую степень свободы индивида, и социальное взаимодействие индивидов и социальных групп. Но принципиальные отличия варваров от людей цивилизации – опора на подчинение грубой силе, коварство в отношении к “близким” и “далёким”, незнание правовых и нравственных норм или, уже при их наличии, нежелание, неумение соблюдать их, подчинение им не иначе как при постоянном сохранении силы, насилия, надзора (без сознательной и внутренней потребности самостоятельно действовать в качестве правовых и нравственных субъектов)» [Там же, с. 122].

Внешнее по отношению к цивилизации варварство располагает теми же чертами, что его и цивилизованный сосед, но в менее выраженной форме. К примеру, обычное право германских племён эпохи Переселения народов с его ордалиями и вергельдом кажется верхом дикости в сравнении с кодексом Юстиниана, но тем не менее представляет собой прогрессивное явление по сравнению с безоговорочным правом сильного, принятым в потестарном обществе. Именно поэтому внешнее по отношению к цивилизации варварство может быть только относительным: древние германцы кажутся дикарями, если их сравнить с римлянами времён империи, и они же покажутся вполне цивилизованным обществом в сравнении с аборигенами Полинезии той же эпохи. Негативное и ироничное восприятие варварских народов вызвано не их мнимым примитивизмом, а тем фактом, что описание варваров всегда ведётся в одностороннем порядке: только цивилизованные авторы пишут о варварских соседях, а сами варвары нередко вообще не имеют письменности и к окружающему миру испытывают лишь сиюминутный практический интерес. Например, галльские кельты вели дела с греческими торговцами на протяжении столетий, но при этом почти не интересовались эллинской культурой [4, с. 192].

Любопытно выглядит тот факт, что каждая цивилизация имеет собственное представление о варварах и всегда противопоставляет себя варварскому окружению. Так, соседями Китайской империи на протяжении тысячелетий были «северные варвары», под которыми китайские летописцы подразумевали кочевников маньчжурских и монгольских степей. Характерно, что название, которое китайцы присвоили одному из этих племён, представляет почти полную кальку с греческого «варвар». Грек, называя скифа или кельта варваром, имел в виду, что тот не владеет человеческой речью, а бормочет что-то нечленораздельное. Так и китайцы в IV в. н.э. назвали одно из кочевых племён – «жужане» (то есть «жуаньжуань», подражание жужжанию насекомых) [7, с. 18]. Индийская цивилизация тоже имеет своё обозначение варваров – «млечча», и это слово означает то же самое, что его греческий и китайский аналоги. Даже такие далёкие от Евразии регионы, как Мексика и Перу, знают противостояние тольтекской цивилизации варварам-чичимекам и царства инков – дикарям восточных Анд [13, с. 45, 356]. Говоря о современном обществе, нельзя не уточнить, что массовый и непрерывный приток мигрантов в страны ЕС и США некоторые отечественные и западные исследователи давно уже сравнивают с варварским нашествием [8, с. 26].

Если учитывать, что цивилизованное общество по сравнению со своим варварским окружением имеет довольно высокий уровень организации и развития технологий (как производственных, так и военных),

то победы, которые цивилизованные войска одерживают над своими варварскими противниками, вполне закономерны. К примеру, римские легионы побеждали германцев и кельтов практически всегда, когда сталкивались с ними в открытом бою. Или армии китайского императора, не располагая многочисленной конницей, могли противостоять целым ордам всадников-кочевников, потому что использовали арбалеты и укрывались в укрепленных лагерях, фактически неприступных для степняков [11, с. 75]. Разумеется, в процессе развития цивилизованного общества разделение труда углубляется всё сильнее, и однажды на смену ополченцам и рекрутам приходят профессионалы-наемники, полагаться на которых для короны небезопасно. Также углубляется и стремление к материальному комфорту, которое постепенно отвращает цивилизованных людей от походов за славой и трофеями. Современный историк пишет, что для Римской империи III-IV вв. н.э. рекрутские наборы представляли собой серьёзную социально-политическую проблему: «Проблемы с набором солдат возникли уже в первой трети III века, и к началу IV века была введена воинская повинность. <...> В эти смутные времена военная служба полностью утратила былой престиж – солдатская профессия стала малооплачиваемой и крайне опасной. Льготы для отставников постепенно растворились незнамо куда, а на военную добычу рассчитывать не приходилось. Армейская служба уже не предлагала повышения социального статуса, да и сражаться было не за кого: элиты прочно отгородились от бедняков, народ ненавидел богачей, а все вместе терпеть не могли досаждавшую всем и каждому армию, которая пожирала драгоценные ресурсы, при этом не обеспечивая мира даже внутри страны» [2, с. 262].

Но и в такие эпохи, когда цивилизация испытывает нехватку желающих воевать с варварами, она прекрасно умеет защищаться от варварской агрессии. Например, в античной истории известна система лимесов – пограничных укреплений, прикрывавших Римскую империю от её северных соседей в Британии и долинах Рейна и Дуная. Великая Китайская стена представляет собой дальневосточный аналог лимеса – такой же неприступный для кочевников, каким был Адрианов вал для британских туземцев. Любопытно, но аналогичные укрепления есть даже в Перу – построенные инками крепости Ольянтайтамбо и Саксауаман, предназначенные для обороны от дикарей с восточных склонов Анд. Инки не имели слова, аналогичного античному «варвар» и индийскому «млечча», но относились к своим восточным соседям точно так же, как поздняя Римская империя – к алеманам и саксам.

И всё-таки однажды цивилизации проигрывают военное противостояние с варварами и гибнут под их ударами. Причём полевое сражение играет в этом процессе незначительную роль.

Понятие внутреннего варварства

Говоря о варварстве, необходимо помнить, что это явление – хоть и противоположное цивилизации, но не обязательно носящее по отношению к ней внешний характер. Н. В. Мотрошилова справедливо пишет о варваризации цивилизованного общества или, выражаясь яснее, о нарастании внутреннего варварства. Под внутренним варварством исследователь понимает *осознанный* отход граждан от принципов цивилизации под влиянием социальных, политических и духовных причин: «Рецидивы варварства в условиях зрелой (в масштабах истории) цивилизации означают, что упомянутые ранее механизмы, формы и принципы в той или иной стране, в тот или иной период истории либо не стали действенными, массовыми, либо под влиянием целого комплекса причин оказались вытесненными на периферию социального действия» [9, с. 87]. Очень важно отметить, что это именно деградация граждан зрелого цивилизованного общества, которым прекрасно известны юридические законы и политические механизмы, принятые в их обществе. Эти люди намеренно пренебрегают ограничениями, которые цивилизация налагает на граждан, но продолжают пользоваться плодами технического, экономического и социального развития. Именно они расшатывают механизм государства, приводят к коллапсу экономики и в наиболее подходящий для себя момент распахивают ворота лимесов «внешним» варварам. Разумеется, внутренние варвары не являются самоубийцами, просто они успевают настолько привыкнуть к борьбе друг с другом, которая ведётся с учетом цивилизованных правил (хоть и с постоянным их нарушением), что им начинает казаться, будто они смогут использовать внешних варваров в качестве дополнительного инструмента. Итог оказывается предсказуем: внешние варвары переходят границу цивилизации на плечах вольных и невольных коллаборационистов из числа своих внутренних «коллег», а затем утверждают свою власть, уничтожая всех несогласных. Для внутренних варваров такой исход оказывается полной неожиданностью: живя в обществе, функционирование которого регламентировано множеством юридических норм, внутренние варвары привычны к совсем другой борьбе – борьбе доносов, интриг и наговоров. За десятилетия или даже столетия, проведённые именно так, вне реального силового противостояния, внутренние варвары забывают о праве сильного, перед которым молчат любые писанные законы. Зато нецивилизованные внешние варвары это право очень хорошо знают и руководствуются в политике именно им. Н. В. Мотрошилова отмечает, что внутренние варвары руководствуются тем же психологическим механизмом, что и их внешние аналоги, только применяют этот механизм осознанно, с учётом собственного социального опыта, то есть опыта граждан могущественного и богатого государства: «Это преимущественная ориентация конкретных индивидов, стран, их объединений на собственные и ближайшие интересы и (при всех разговорах о целях, интересах человечества, которые стали особенно громкими в эпоху глобализации и создания Европейского союза) как раз пренебрежение долгосрочными перспективами, интересами общечеловеческого бытия, цивилизации в целом» [Там же, с. 89]. Эти люди имеют гораздо более масштабные материальные аппетиты, чем варварские вожди, а их представления о врагах во много раз шире и изощреннее, чем у нецивилизованных грабителей.

Типы внутреннего варварства

Однако внутреннее варварство не является однородным феноменом. Ведь ни один фрагмент «пятой колонны» цивилизованного общества даже не называет себя так. Какие типы внутреннего варварства можно выделить при самом поверхностном анализе?

Во-первых, характерное для цивилизованного общества стремление к материальному комфорту на зрелой стадии развития цивилизации создаёт множество *стяжателей*. В ситуации, когда первичные потребности удовлетворяются без проблем, а возможности для потребления остаются по-прежнему широкими, открывается простор для зависти, стремления к роскоши и избыточному потреблению. Это не значит, что все граждане цивилизованного общества богаты, но зримые выражения роскоши даже немногочисленных богачей служат спусковым крючком для зависти всех остальных. К тому же роскошь редко приобретается за трудовые деньги. Чем красивее и богаче живут социальные верхи, тем, значит, дороже за эту роскошь платят низы. Тем более что цивилизованное государство очень сложно устроено, и польза, приносимая гражданам каждым отдельно взятым чиновником, далеко не всегда очевидна. Со стороны кажется, будто многие государственные функционеры – обычные бездельники, безбедно живущие за счёт казны. Как следствие, происходит взаимное отчуждение правящей и податной частей общества. Эти социальные группы начинают смотреть друг на друга как на врагов и пытаются использовать внешних варваров как орудие в борьбе друг с другом. Например, в V в. н.э., во время варварских нашествий на провинции Римской империи, коррумпированные государственные чиновники распорядились имуществом беженцев и ими самими как личной собственностью (попросту говоря, наживались на чужой беде). Вот как описывает ту трагедию французский историк Л. Мюссе: «Миграция беженцев начинается с появления в Иллирии Радагайса, а затем Алариха. Закон от 10 декабря 408 г. изобличает порабощение беглых иллирийцев итальянцами. В 410 г. многие итальянцы в свою очередь обратились в бегство из-за разграбления Рима. Богачи расселились во всех направлениях: в течение последующих лет их можно встретить на островах Тосканы и главным образом в Африке (не только в портах, но также и во внутренних районах, до самой Джемилы), в Константинополе и даже Палестине. Этим влиятельным людям удавалось спасти изрядную часть своего имущества. С бедняками, как и в 408 г., поступали постыдным образом: Иероним обвиняет африканского графа Ираклиана в том, что он организовал продажу молодых беженцев в восточные дома терпимости» [10, с. 223-224]. Причём когда на имперскую территорию переселялись отряды варваров, то правительство присваивало им правовой статус «союзников» (федератов) и выплачивало содержание даже из последних остатков казны [Там же, с. 35]. Получалось, что вооруженные иноземцы, которых можно использовать в политических интригах, для правительства, чиновников и магнатов-землевладельцев были гораздо нужнее и полезнее, чем собственные сограждане.

В свою очередь римское провинциальное простонародье начиная с III в. н.э. использовало каждый варварский набег для того, чтобы в возникшей неразберихе свести счёты с ростовщиками и помещиками, а иногда и показывало варварам потайные ходы в имперские крепости. Так, епископ города Неокесарии святитель Григорий Чудотворец (217-270 гг.) отмечал, что во время готского вторжения в Малую Азию (257 г.) среди местных жителей нашлось немало желающих не только помогать варварам, но и лично участвовать в грабежах и расправах [12, с. 95]. В китайской истории примерами такого внутреннего варварства служат постоянные попытки князей и вельмож натравить кочевников-грабителей на своих политических оппонентов или ускорить свой карьерный рост, подавшись к степнякам в качестве коллаборационистов. Хорошим примером такого подхода можно считать командира пограничной заставы У Саньгуя, который без единого выстрела сдал маньчжурам стратегически важный форт Шаньхайгуань и впустил в Китай «северных варваров» (1644 г.). У Саньгуй был далеко не первым имперским военачальником, перешедшим на сторону кочевников вместе с вверенным ему участком лимеса.

Во-вторых, на зрелом этапе исторического развития цивилизации всегда усиливаются различные *контркультурные движения*. Это закономерно потому, что традиционная культура начинает всё сильнее отставать от темпа и стиля жизни городского общества. И духовные нужды граждан ориентируются на контркультуру, которая оказывается питательной средой как для творческих религиозно-философских учений, так и для хилиастического сектанства и далёких от любой ортодоксии ересей. Такие еретики воспринимают наличный социально-политический порядок как материальное воплощение мирового зла и порой готовы выступить против него с оружием в руках, привлекая в свои ряды сепаратистов и криминальный элемент. Так, ливийский историк М. С. Айюб приводит в качестве примера ересь донатистов, в IV в. ставшую консолидирующим началом для антиимперских выступлений берберского и даже романизированного населения Северной Африки: «Идеи терпимости и всепрощения, к которым призывала Римская церковь, натолкнулись на сильное сопротивление христиан из числа североафриканских берберов. Это сопротивление породило новое направление в христианстве, которое возглавил епископ Донат. Постепенно стало ясно, что берберы нашли в этом движении способ выражения своего протеста против римской власти. <...> После того как правительство выслало вождя антиримского движения Доната в Европу, в Галлию, где он и умер, протест начал принимать насильственные формы» [1, с. 78]. Будучи преследуемы имперскими властями, донатисты буквально приветствовали вторжение в Северную Африку вандалов (V в. н.э.), в массе своей исповедовавших другую ересь – арианство. В лице донатистов и местных ариан варварский правитель Гейзерих нашёл преданных союзников

и лояльных подданных. Обоснованно подозревая Православную церковь в имперских симпатиях, он объявил арианство государственной религией своего королевства и неоднократно говорил о своей лояльности к донатистам. Таким образом, контркультурное течение получило реальную власть, которую использовало для репрессий в адрес своих православных оппонентов, и нанесло Ортодоксальной церкви такие потери, которые не всегда причиняли ей даже гонения римских императоров. Немецкий историк Г.-И. Диснер так описывает одно из гонений, инспирированных донатистами и арианами в правление вандалского короля Гунериха: «Больше всего, естественно, пострадали клир и епископы. У них не только отобрали церкви и церковное имущество и запретили им проводить богослужения, но и запретили проживать в городах и населённых пунктах. Теперь они были свободны, как птицы, в то время как арианское духовенство присвоило конфискованное у них имущество. Отчасти участие ариан в насильственном обращении или карательных действиях объясняется, несомненно, их материальной заинтересованностью; с другой стороны, они видели, что это последний шанс присвоить себе власть и авторитет Ортодоксальной церкви» [6, с. 97-98]. Получилось, что процветавшие на лоне контркультуры внутренние варвары своими действиями повредили цивилизованному обществу гораздо сильнее, чем победоносное вторжение внешнего врага.

В-третьих, немалую роль в крушении цивилизаций играют характерные для Нового времени *революционные фракции*, очарованные утопическими идеями. Они настолько спешат уничтожить «старый режим», что быстро и безжалостно упраздняют или радикально реформируют социальные и правовые институты, служащие основой любого упорядоченного общества. Большинство революционеров не желают никому зла, но слишком уж они спешат с преобразованиями, без разбора отменяя или кардинально модифицируя все учреждения и нормы прежнего общественного строя. И, будучи опьянены властью и подхвачены лавинообразным процессом разрушения старого мира, они перестают отличать устаревшие порядки от структур, без которых никакое общество не сможет нормально функционировать. Тем самым революционные утописты влекут цивилизацию к кризису, которого можно было бы избежать, и с последствиями которого им же самим придётся бороться. Примером может послужить отданный Петроградским Советом «Приказ № 1» (14 марта 1917 г.), согласно которому в армии учреждались солдатские комитеты и, таким образом, отменялось единоначалие. Возможно, охваченные революционным энтузиазмом депутаты имели самые благие намерения, но русская армия вследствие этого приказа потеряла боеспособность в самом разгаре Первой мировой войны, что неминуемо привело к катастрофе на всех фронтах. Безусловно, в царской армии дисциплина не всегда поддерживалась методом убеждения, а рукоприкладство мало кого удивляло. Однако появление солдатских комитетов сделало для рядового состава выполнение приказов необязательным. Легко представить, какие приказы во время боевых действий саботировались в первую очередь. Вот как описывает состояние «реформированной» русской армии весной 1917 г. отечественный историк С. В. Волков: «Как отмечал в рапорте начальнику штаба Северного фронта генерал-квартирмейстер 5-й армии, “причиной эксцессов следует считать приказы Совета рабочих депутатов”. Случаи отказа идти в наступление и повиноваться начальникам становятся повсеместными и постоянными, не прекращались и аресты, многие офицеры были отстранены от занимаемых должностей» [5, с. 19]. Разумеется, в таком состоянии армия моментально потеряла боеспособность и уже не могла выполнять возложенные на неё задачи. Поражение России в войне стало неизбежным и, что особенно важно для нашего исследования, авторы «Приказа № 1» остались без вооруженной защиты точно так же, как и остальная страна. То есть революционеры, сами того не желая, спилили сук, на котором сидели, и именно поэтому Временное правительство стало лёгкой добычей для большевиков: в порыве нововведений оно само уничтожило собственные вооруженные силы.

Внутреннее варварство современности

Итак, мы рассмотрели три такие разновидности внутреннего варварства, как неконтролируемое стяжательство должностных лиц (приводящее к их поголовной коррумпированности) и обедневших народных низов (приводящее к их бунтам), контркультурные течения и радикальные революционные фракции. Возникает закономерный вопрос: как действует внутреннее варварство в современном мире? Если принять за мировую цивилизацию страны ЕС, так как их представители сами об этом неоднократно заявляют, то мы увидим классическую картину передачи европейских территорий и ресурсов внутренними варварами в руки варваров внешних, под которыми сами же западные авторы подразумевают мигрантов из стран Африки и Леванта. Рассмотрим действия всех трёх категорий внутренних варваров в процессе современной «исламизации» Западной Европы.

Роль стяжателей прекрасно играют представители западного крупного бизнеса. Отечественный исследователь и международный обозреватель В. Р. Арсеньев справедливо отмечает, что именно они пригласили во Францию и Германию мигрантов из Северной Африки в 1960-1970-е гг., и расчёт этих дельцов строился на том, чтобы получить бесправную рабочую силу [3, с. 50]. Проще говоря, эти люди не хотели предоставлять гарантии и платить нормальные зарплаты своим соотечественникам и поэтому пригласили на их места иностранцев. Причём не абстрактных выходцев из других стран, а именно варваров по отношению к европейской цивилизации: тех, которые не знакомы с цивилизованными механизмами защиты своих прав. А в наши дни именно благодаря финансовой заинтересованности представителей крупного бизнеса и попустительству государственных чиновников культурно чуждые анклавы существуют в самом центре европейских стран. Отдельно отметим, что многие мигранты вполне довольны своей ролью внешних варваров и вовсе не стремятся от неё отказываться. Неприкосновенность

их культурной идентификации охраняется целой когортой заинтересованных лиц из высших эшелонов власти, и поэтому напряжение между мигрантами и туземцами нарастает. Вот как описывает этот культурный конфликт современный автор А. Э. Яшлавский: «Показательно, что в некоторых странах мусульманские организации выступают за применение законов шариата, в частности, в сфере наследования, брака и развода. Не способствуют росту взаимопонимания между разделяющими христианские (или, лучше сказать, западные) ценности коренным населением и иммигрантами-мусульманами периодически происходящие в азиатских и ближневосточных сообществах «убийства чести», жертвами которых становятся женщины, чуждые исламского фундаментализма, всерьёз поверившие в ценности современного европейского общества» [14, с. 180]. Вот так просто: то, что для европейцев – преступление, для мигрантов – «убийство чести», к которому европейская юстиция по умолчанию должна относиться иначе, нежели к обычному криминалу. Вероятно, подходящей будет аналогия с V в. н.э., когда римляне, покинувшие разграбленные варварами провинции, становились бесправными беженцами, а варвары-грабители получали особый статус «федератов» и связанные с ним права.

Контркультурные течения современной Западной Европы чужды политике и поэтому обходят вниманием проблему мигрантов, однако большинство контркультурных доктрин и деятелей ориентируются на постмодернизм, то есть на отрицание ценности какой-либо культуры, в том числе и собственной. Эту публику можно назвать «пораженцами в культурной войне».

Революционных фракций современная Западная Европа не имеет, однако если вспомнить студенческие волнения 1960-х гг., то французские студенты неоднократно заявляли о своём сочувствии к арабским рабочим-мигрантам и о готовности защищать права этих самых мигрантов. Также мы можем считать проявлением внутреннего варварства политику либеральных партий, которые стремятся предоставить мигрантам множество экономических и правовых льгот, при этом забывая о коренном населении своих стран. Возможно, таким реформаторам из ЕС и США кажется, что они отстаивают равенство представителей всех народов, рас и культур, но по факту это получается равенство одних за счёт других.

Заключение

Подведём итоги. В данной работе мы выяснили, что понятие варварства носит относительный характер и всегда формулируется представителями цивилизованного общества. Противостояние с варварскими обществами характерно для всех цивилизаций, и в военном отношении оно почти всегда проходит победоносно. Внешние по отношению к цивилизованному обществу варвары не представляют для него серьёзной угрозы до тех пор, пока им не окажут содействия варвары внутренние. Причём сам процесс развития цивилизации оказывается фактором, благодаря которому внутреннее варварство возникает и распространяется. Например, стремление к материальному комфорту и углубляющееся разделение труда, лежащие в основе любой цивилизации, приводят к изнеженности её граждан и наглядному, вопиющему социальному неравенству. К внутренним варварам мы относим сформировавшихся на лоне развитой цивилизации убеждённых стяжателей (особенно занимающих ответственные посты в государственных структурах и коммерции), представителей контркультурных течений и революционеров-радикалов. Думается, что эти три типа внутренних варваров производны от духовного и социального кризисов цивилизованного общества, которые они вскоре начинают усугублять и искать свою выгоду в общественных проблемах. Идея пригласить внешних варваров и использовать их в собственных индивидуальных и партикулярных целях кажется варварам внутренним беспроигрышной, но, воспользовавшись приглашением, внешние варвары уничтожают цивилизованный мир и обрекают своих внутренних «союзников» на нищенство и подчиненное положение на руинах некогда развитой цивилизации.

Однако современность – это особый исторический этап, имеющий два нюанса, неизвестных прошлому. Во-первых, это ядерное оружие, позволяющее уничтожить цивилизацию не только в историческом, но и в физическом смысле. А во-вторых, это радикальные политико-религиозные течения, призывающие к разрушению наличного социально-политического порядка в пользу религиозно-утопической доктрины (что невыгодно отличает эти течения от революционных партий прошлого). Поэтому процесс варваризации глобальной цивилизации требует дальнейшего изучения.

Источники | References

1. Айюб М. С. Гарама (из истории ливийской цивилизации) // Гарамантида (африканская Атлантида). М.: Вост. лит. РАН, 1994. С. 20-101.
2. Аноним Г. После Рима: в 2-х т. М.: Acta Diurna, 2019. Т. 1. 192-430 по Рождеству. От «солдатских императоров» до Карла Великого. 312 с.
3. Арсеньев В. Р. Багровые закаты над Европой // Азия и Африка сегодня. 2006. № 4. С. 50-52.
4. Брюно Ж.-Л. Галлы. М.: Вече, 2011. 400 с.
5. Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М.: Центрполиграф, 2001. 508 с.
6. Диснер Г.-И. Королевство вандалов. Взлет и падение. СПб.: Евразия, 2002. 224 с.
7. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2005. 346 с.
8. Медушевский Н. А., Шишкина А. Р. Миграционные процессы современности. Ситуативное явление или глобальный исторический вызов? М.: ЛЕНАНД, 2018. 168 с.

9. Мотрошилова Н. В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: ИФ РАН, 2010. Изд-е 2-е. 480 с.
10. Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск. СПб.: Евразия, 2006. 399 с.
11. Пирс К. Воины Китая. Под знаменем небесного дракона. 1500 г. до н.э. - 1840 г. н.э. М.: Эксмо, 2008. 248 с.
12. Ременников А. М. Борьба племён Северного Причерноморья с Римом в III веке н.э. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 147 с.
13. Хаген В. фон. Ацтеки, майя, инки. Великие царства древней Америки. М.: Центрполиграф, 2010. 539 с.
14. Яшлавский А. Э. Европейские мусульмане: непростые вопросы идентичности // Международная жизнь: ежемесячный журнал. 2017. № 6. С. 173-192.

Информация об авторах | Author information

Сулимов Станислав Игоревич¹, к. филос. н., доц.
¹ Воронежский государственный университет

Sulimov Stanislav Igorevich¹, PhD
¹ Voronezh State University

¹ sta-sulimov@ya.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.06.2021; опубликовано (published): 30.07.2021.

Ключевые слова (keywords): варварство; цивилизация; внутренние варвары; контркультура; стяжательство; barbarism; civilisation; internal barbarians; counterculture; acquisitiveness.